

Эти мстительные слова вдохновляют писателей на романтические истории. Одна из них, например, появилась лет десять назад. Там Шаховская превратилась в Вяземскую, заметно помолодела и родилась уже после смерти своего прототипа. Молодость ее пришла на годы революции, и девушка, в традициях народволецев, решила разговаривать с новой властью на языке террора. Убила какого-то видного партийца, была ранена. Так и попала в руки к старому знакомцу доктору Снегиреву, который знал единственно надежный способ избавить возлюбленную от чекистских застенков...

На самом же деле тот, настоящий доктор Снегирев, не дожид до революционных потрясений. Весной 1916 года, незадолго до смерти, его коллеги ходатайствовали о возведении профессора Снегирева в звание почетного члена Императорского Московского университета. В представлении говорилось: «В прошлом году исполнилось сорокалетие плодотворной ученой и учебной деятельности заслуженного ординарного профессора Владимира Федоровича Снегирева. Посвятивши свою деятельность изучению женских болезней и брюшной хирургии, профессор Снегирев сделался одним из главных и наиболее авторитетных учителей в этой области знаний...»

Что, дал маху профессор в свое время? Или же близкие покойной ждали от него невозможного?

Чтобы в этом разобраться, познакомимся с доктором поближе.

КУРСАНТ С ФРЕГАТЫ «СМЕЛЫЙ»

Коллежский секретарь Федор Михайлович Снегирев умер, оставив семерых детей, старшему из которых едва исполнилось одиннадцать. Владимиру в том, 1851-м, шел пятый год. Детей определили в казенные заведения, и будущий врач стал казеннокоштным сиротой. Со временем оказался в Кронштадтском штурманском училище, где успел поплавать на фрегате «Смелый». Однако морская служба юному не привлекала, и он решил на довольно рискованный поступок: недоучившись всего год, забрал документы, приехал в Москву и стал готовиться к поступлению в университет. В случае провала назад в училище его бы не взяли... Но, видно, небеса благосклонно отнеслись к его планам, и на смену морским наукам пришли лекции на медицинском факультете, практические занятия в факультетской клинике под началом знаменитого терапевта Захарьина.

Через несколько лет молодой человек в торжественной обстановке произнес слова: «Принимая с глубокой признательностью даруемые мне науки права врача и постигая всю важность обязанностей, возложенных на меня сим званием, я даю обещание в течение всей своей жизни ничем не помрачать честь сословия, в которое ныне вступаю. Обещаю во всякое время помогать по лучшему моему разумению прибегающим к моему пособию страждущим, свято хранить вверенные мне семейные тайны и не употреблять во зло оказываемого мне доверия...»

Доктор Снегирев специализировался по женским болезням, но в те времена для таких больных не существовало не то что специальных клиник, но даже отделений в больницах. Спустя 33 года доктор вспоминал: «Разве можно это сравнить с теперешним состоянием хирургии в России... Нельзя было делать таких операций, не поездивши несколько раз за границу. Возвращаясь, мы были одиночки, и контроля, совета получить было не от

кого. Выздоровление возбуждало удивление и неверие».

Вот как проходила, к примеру, подобная операция в Новоекатерининской больнице. Ее описание обнаружил писатель и исследователь Вячеслав Сергеев, которого заинтересовала эта история: «...Большая была доставлена в операционную палату и окружена всеми выдающимися профессорами и хирургами, собравшимися видеть и помогать. Каждый из присутствующих, стоя в вицмундире или сюртуке, брал из таза губку и стирал кровь с разреза, каждому предлагалось высказать свое мнение, входить рукою в полость живота. Операция продолжалась очень долго, все были утомлены, растеряны, и у всех было одно желание - только бы когда-нибудь разделаться с этим случаем».

Понятно, что больная скончалась в тот же день.

Жизнь требовала перемен, и Снегирева направили за границу, он работал в госпитальях Лондона, Страсбурга, Гейдельберга, Вены.

В 1874-м вернулся домой, где его избрали приват-доцентом кафедры женских болезней Московского университета. Молодого ученого переполняли энтузиазм и масштабные планы, он предложил создать стационарное отделение

ФОТО ЭДУАРДА ЛАПОВКА

ОПЕРАЦИЯ ДОКТОРА СНЕГИРЕВА

На старом кладбище Донского монастыря есть надгробие с примечательной эпитафией. Собственно, примечательны не слова, которыми близкие проводили 34-летнюю княжну Ольгу Львовну Шаховскую - «Наша надежда в будущем свидании», а приписка, уточняющая, от чего именно скончалась в 1884 году женщина в расцвете сил: «от операции доктора Снегирева». Многие прохожие и по сей день останавливаются у этой могилы, поминая не только безвестного доктора, но и кое-кого из современных эскулапов, чьих бывших пациентов немало лежит на любом кладбище.

ние для больных женщин. Однако его не поняли, и пришлось довольствоваться палатой на четыре койки.

На фоне зарубежных впечатлений отечественные будни удручали. Врачи по старинке пользовались припарками, а бактериями боролись карболой из пульверизатора, а иглы держали воткнутыми в салютную свечу. Один из учеников Снегирева потом пишет: «Нужно было иметь много энергии и мужества, чтобы выступить на оперативном приеме в учреждении, совершенно к тому неприспособленном, и со случайным персоналом неопытных помощников... Не было ни врачей, ни фельдшерцев, ни акушерок, хоть сколько-нибудь знакомых с уходом за больными после тяжелых брюшных операций. Все это приходилось Владимиру Федоровичу выносить на своих плечах: не только оперировать, но и выхаживать больную, быть и врачом, и сиделкой...»

Со своими обязанностями доктор справлялся. Сумел даже защитить докторскую диссертацию, и 1 ноября 1884 был утвержден экстраординарным профессором Московского университета. Вот к нему-то, уже известному специалисту, и привезли полтора месяца спустя княжну Ольгу Львовну.

БЫЛ ТАКОЙ СЛУЧАЙ...

Род Шаховских, древний и многочисленный, дал стране немало незаурядных личностей. Даже прочно забытых нет-нет да и вспомнят дотошные историки. Поэтесса Екатерина Львовна Ша-

ховская стала прототипом Зинаиды Засекиной в повести Тургенева «Первая любовь». На Волковом кладбище Петербурга на ее могиле высечены слова: «Мой друг, как ужасно, как сладко любить! Весь мир так прекрасен, как лик совершенства». А с Софьи Дмитриевны Шаховской Грибоедов писал героине «Горя от ума»... Но Ольга Львовна попала совсем в другую историю.

Ее отец, князь Лев Львович Шаховской, из дворян Харьковской губернии, штаб-ротмистр 2-го кавалерийского округа Украинского военного поселения, как и отец доктора Снегирева, тоже умер раньше времени, в 44 года, оставив троих сыновей и дочь. Ольге было восемнадцать, когда семья оказалась в трудном материальном положении. Что делать девушке с хорошими манерами, умеющей танцевать и говорить по-французски, но без специального образования? Некоторые исследователи не без оснований предполагают, что ее взяли в гувернантки в семью московского юриста Петра Николаевича Измалкова к малолетней дочери Татьяне. Кстати, жена Петра Николаевича - Клеопатра Александровна - покоится в той же могиле.

Какой диагноз поставил Ольге Львовне профессор - неизвестно. Зато кое-что осталось в воспоминаниях его современников и учеников. Так, профессор А. Губарев рассказывал: «Был и такой случай, тяжелобольная скончалась после опасной, но неизбежной для спасения ее жизни операции. И вот родственники не сумели придумать ничего лучшего,

как поставить на могиле покойной памятник с надписью, что она скончалась «от операции», сделанной ей профессором Снегиревым».

А вот что думал по этому поводу профессор И. Сердюков: «Эта злобная княжеская выходка была не чем иным, как издевательством над хирургом. В свое время она причинила Владимиру Федоровичу немало горьких переживаний».

Не умолчал о той давней истории и сам Снегирев: «Было время, когда больных и окружающих приходилось убеждать в пользе операции и девять десятых больных бежало от них, не доверяя их пользе и осуждая советы врачей. Слово «резака» не сходило с уст, и дело доходило до того, что в случае смерти больных на их могиле ставили памятник с надписью: «Под сим камнем лежит тело N, зарезанного хирургом N».

Только два года спустя, в 1886 году, при Басманной больнице у профессора Снегирева появилось маленькое отделение с операционной.

Что же касается диагноза, то тут напрашивается предположение, подсказанное самим профессором. Когда наступило время подводить итоги, он говорил: «Что я видел больше всего? Рак. Что я знаю меньше всего? Рак».

На склоне лет Снегирев берет за создание условий для глубокого изучения рака и лучевой терапии этого недуга. Профессор гинекологического института, он организует радиологическое отделение, оборудует его новейшей аппаратурой и укомплектовывает необходимыми

штатами. Перспектива виделась ему так: «Искоренение рака, этой ужасной и губительной болезни, нужно ждать в искоренении истощающих и унижающих человеческое достоинство работ и условий».

МЕШАТЬ ЛИ ВОЛЕ БОЖЬЕЙ?

У знаменитого доктора и пациенты были известные. В августе 1906 года профессор получил телеграмму из Ясной Поляны, в которой сообщали о нездоровье Софьи Андреевны Толстой и просили совета.

Профессор же собирался на лечение, на юг, и уже купил билет. Тем не менее отложил дела и срочно приехал в Ясную Поляну. Больная была в тяжелом состоянии: боли, опухоль, требовалась операция, причем делать ее предстояло здесь же. Риск немалый, если учесть слабое освещение, плохую дезинфекцию и немалый возраст больной... Да и как может отразиться неудачный исход на Льве Николаевиче?

О позиции графа написал потом его сын Илья Львович: «Папа совершенно не верил в пользу операции, думая, что мама умирает, и молитвенно готовился к ее смерти. Он считал, что надо подчиниться воле Божьей и что всякое вмешательство врачей нарушает величие и торжественность великого акта смерти. Когда доктор определенно спросил его, согласен ли он на операцию, он ответил, что пускай решает сама мама и ее дети, а что он устраняется и ни за, ни против говорить не будет».

Софья Андреевна и дети дали согласие.

но, дядя М.А. Булгакова, брат матери Николай Михайлович Покровский. Его квартира по адресу Пречистенка, 24, в деталях совпадает с описанием квартиры Преображенского. Об определенном средстве фигур Преображенского и Покровских свидетельствуют их фамилии, характерные для выходцев из семей священников. А в воспоминаниях первой жены Булгакова найдем такие строчки: «Такой же сердитый, напевал всегда что-то, ноздри раздувались. Усы такие же пышные были. Вообще он симпатичный был. Он тогда на Михаила очень обиделся за это».

Покровский, прекрасный хирург, проработал в гинекологическом институте профессора Снегирева почти сорок лет и был одним из его ближайших соратников. Он долго не женился, но очень любил ухаживать за женщинами. Возможно, это обстоятельство побудило Булгакова заставить холостяка Преображенского заниматься операциями по омоложению стареющих дам и кавалеров, жаждущих любовных похождений.

В этом институте на Девичьем Поле имелись одни из лучших в Москве операционные, разные технические приспособления, прекрасные палаты с предметами ухода. В 1926 году, когда отмечали десятилетие со дня смерти Снегирева, с докладом, посвященным памяти учителя, на заседании Московского акушерско-гинекологического общества выступил именно Николай Михайлович.

Однако в описании внешности профессора Преображенского - с остроколючей бородой, седыми пушистыми усами,

Граф во время операции ушел в лес. Если операция будет удачна, он просил детей позвонить в колокол два раза. Потом передумал: - Нет, лучше не звоните совсем. Я сам приду...

После пробуждения больной от наркоза он вошел к ней. Вышел же подавленный и возмущенный:

- Боже мой, что за ужас! Человечку умереть спокойно не дадут! Лежит женщина с разрезанным животом, привязана к кровати, без подушки... и стонет больше, чем до операции. Это пытка какая-то!

«Только через несколько дней, когда здоровье матери восстановилось совсем, отец успокоился и перестал осуждать докторов за их вмешательство», - записал Илья Львович.

А вот свидетельство доктора Снегирева: «Через месяц я снова был в Ясной Поляне, снова увидел приветливых, ласково расположенных ко мне детей Льва Николаевича, графиню, изящно одетую, и ласкового, гостеприимного хозяина. Лев Николаевич встретил меня с обильной приветливостью и джентльменством».

До самого конца жизни граф поддерживал с доктором добрые отношения. И хоть в его произведениях не найти строчек о профессоре Снегиреве, похожего профессора мы найдем у другого писателя, уже следующего поколения.

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ И ФИЛИПП ФИЛИППОВИЧ

Прототипом профессора Преображенского из «Собачьего сердца» послужил, как извест-

пенсе - вполне можно увидеть и снегиревские черты. К тому же у того тоже была манера напевать любимые мелодии во время раздумий, на отдыхе и даже во время операций. Преображенский, как и Снегирев, - университетский преподаватель, поддержавший на пути в науку не одного полуголодного студента. Он из тех людей, нравственное кредо которых - дожить до старости с чистой совестью. У него учился Чехов, который говорил о своем учителе с благоговением.

А вот что касается операции на гипопфизе, то такое было под силу, пожалуй, лишь одному хирургу в Москве - создателю школы нейрохирургии Николаю Нилевичу Бурденко, который к тому времени сделал несколько подобных операций.

...После случая с княжной прошло сто с лишним лет. К счастью, имя знаменитого доктора увековечено не только на могиле его пациентки. На Плющихе, на стене дома № 62, висит доска из красного гранита с бронзовым барельефом: «Здесь жил и работал основоположник отечественной гинекологии профессор Владимир Федорович Снегирев». А в самом начале улицы Еланского стоит старое здание клиники акушерства и гинекологии, носящее его имя. В 1973 году здесь поставили памятник доктору Снегиреву. Присмотритесь: есть в нем что-то от знакомого нам профессора из булгаковской повести.

Евгений
КРУШЕЛЬНИЦКИЙ